

ЕВРОПА и ЕВРАЗИЯ

(Исходъ къ Востоку. Предчувствія и свершенія. Утвержденіе евразійцевъ. Книга I. Софія, 1921 г. На путяхъ. Утвержденіе евразійцевъ. Книга II. Геликонъ. Москва - Берлинъ, 1922 г.).

1.

Двѣ книги, одна въ 125, другая въ 356 страницъ, съ весьма странными, загадочными заглавіями, первая съ предисловіемъ, вторая безъ онаго, если не считать за таковое «нѣкоторыя предварительныя замѣчанія» П. Савицкаго къ перепечатанной во второмъ сборникѣ рѣчи - брошюрѣ А. В. Карташева «Реформа, реформация и исполненіе церкви». Трудно, даже послѣ прочтенія сборниковъ, отдать себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ точномъ смыслѣ ихъ заглавія — Понятны, конечно, и «Исходъ къ Востоку» и «На путяхъ». Но что надлежитъ разумѣть подъ «свершеніями» и, особенно, «утвержденіемъ евразійцевъ»? Свершенное ли въ сборникахъ, утверждаемое ли авторами или нѣчто объективно - свершающееся и предчувствуемое, равно и объективное утвержденіе (самоутвержденіе) людей, которые «не стыдятся признать себя евразійцами?»

Авторы «не претендуютъ на единство» и «въ нѣкоторыхъ вопросахъ думаютъ по разному» (I стр. III); «сохраненіе цѣлостности индивидуальныхъ мнѣній предпочитаютъ устраненію противорѣчій въ частностяхъ» (II, 28). «Но есть нѣчто общее имъ всѣмъ», и они стараются это общее установить (I стр. III—VII, часть II стр. 27-29).

Авторы воспринимаютъ переживаемое нами время, какъ «катастрофическое», какъ кризисъ, свидѣтельствующій о «назрѣвающемъ, ускоряющемся переселеніи и перерожденіи культуры». Они сравниваютъ нашу эпоху «съ величайшими потрясеніями, извѣстными въ исторіи», съ «катаклизмами», съ походами Александра Македонскаго и Великимъ Переселеніемъ Народовъ.

Само по себѣ, «чувство» катастрофичности нашей эпохи еще не опредѣляетъ духовнаго лика евразійцевъ. О «гибели Европы» говорятъ многіе. О ней твердитъ Шпенглеръ, о ней пишетъ Ландау. У этой идеи есть свои предтечи въ лицѣ длиннаго ряда русскихъ мыслителей, и она можетъ по разному переживаться. Ее можно, разумѣется, и оспаривать, признавая ощущение катастрофичности только субъективнымъ преувеличеніемъ реального кризиса, который откроетъ и новые пути и новыя творческія завоеванія для той же старой культуры. Изъ того, что *мы* не знаемъ будущаго, еще не слѣдуетъ, что его нѣтъ. Можно, далѣе, видѣть въ переживаемомъ послѣдній часть, смертную муку европейской культуры и, склоняясь передъ неизбѣжимымъ рокомъ, стоически ожидать смерти. Евразійцы выносятъ Европѣ смертный приговоръ. Они «чтятъ прошлое и настоящее западно-европейской культуры, но не ее видятъ въ будущемъ». Они связываютъ свою вѣру въ паденіе Запада съ вѣрою въ новую, грядущую культуру Россіи, ждуть, чтобы «Россія такъ же раскрыла міру нѣкую общечеловѣческую правду, какъ раскрывали ее величайшіе народы прошлаго и настоящаго». Здѣсь ихъ «предчувствія» сходятся съ гаданіями Шпенглера. Однако Россія не представляетъ этнологическаго единства ни въ настоящемъ, ни въ чаемомъ будущемъ. Въ свое время принципиально готовые отрицать Россійскую государственность социаль-демократы создали не русскую, а «россійскую» партію. Теперь авторы двухъ сборниковъ, исходя изъ *русской* идеи, русскаго патріотизма, выискиваютъ въ географіи новый терминъ и «не стыдятся назвать себя евразійцами». Что же, они «стыдятся» назвать себя *русскими*? Что же, они думаютъ, будто погибнетъ и «европейское» и «русское», а на смѣну придетъ какое-то «евразійское», нѣкая невѣдомая еще «образина»? Тогда мнѣ, русскому человѣку, ихъ евразійства не надобно, и я предпочту погибнуть со своимъ русскимъ православнымъ народомъ. И въ минуту тяжкихъ испытаній не пристало мнѣ отказываться отъ роднаго языка и роднаго имени. Для того же, чтобы отличить себя отъ европейца и азіата, никакихъ мнѣ особенныхъ словъ не нужно. Я никогда и не думалъ, будто славяне — нѣмцы и будто русскій народъ не преобразаетъ въ себя людей иныхъ культуръ и иныхъ расъ. Отмѣняютъ ли «евразійцы» пророческія слова Пушкина?

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей *Руси великой*
И назоветъ меня *всѣхъ сущій въ ней* языкъ:
И гордый внукъ славявъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ».

Конечно, явленный сейчас мною патриотическій пафосъ явленъ немного лукаво; я убѣжденъ, что и «евразійцы» не иначе думаютъ. Но если они думаютъ не иначе или если можно думать, какъ они, не отказываясь отъ родного, не къ чему вводить новыя клички.

Вѣра въ Россію не мирится съ признаніемъ ея «культурною провинціею Европы, съ запозданіемъ повторяющею ея зады». Эта вѣра утверждаетъ, «вслѣдъ за славянофилами, самостоятельную цѣнность русской національной стихіи, воспринимаетъ тонось славянофильскаго отношенія къ Россіи». Но подобныхъ общихъ декларацийъ еще мало. — «Невозможно определить разъ навсегда содержаніе будущей русской жизни». Однако, если это *русское*, а не *евразійское* будущее, кое - что намѣтитъ мыслимо, какъ и пытаются сдѣлать авторы сборниковъ. Они усматриваютъ раскрываемую русской революціей «правду» въ «отверженіи социализма и утверженіи Церкви». Они «чувствуютъ, что тайна вдохновенной эпохи нашей раскрывается . . . въ строгихъ формахъ Церковной жизни». Для нихъ оживаетъ Русская Церковь и «эпоха науки» смѣняется «эпохою вѣры». Они «ждутъ и жаждутъ творческаго и пророческаго церковнаго Духа, который просвѣтилъ и освѣтилъ бы исторію и жизнь . . .»

2.

Итакъ, «евразійцевъ» связуютъ вѣра въ грядущую русскую культуру, религіозную и церковно - православную въ своей основѣ и вѣра въ окончательную гибель культуры западной, обнаруживающуюся въ переживаемомъ нами кризисѣ. «Здѣсь, говорятъ они, нельзя требовать доказательства. И думаніе по иному вправѣ назвать насъ безумцами, какъ мы ихъ — слѣдующими. Для насъ тревожнѣе вглядѣться въ черты того культурнаго переворота, который предносится намъ въ буряхъ и содроганіяхъ современности».

Нѣтъ, мы назовемъ ихъ какъ - нибудь иначе или оставимъ за ними выбранное самими ими прозвище евразійцевъ. «Безумцами» же мы ихъ называть не станемъ. Это будетъ имъ только пріятнымъ, потому что они укажутъ на священный характеръ безумія и связь его съ пророческимъ вдохновеніемъ. Лучшее мы послѣдуемъ кстати приведенному кн. Н. С. Трубецкимъ (въ статьѣ «Религіи Индіи и христіанство», II, 180) апостольскому совѣту: «возлюбленные, не всякому духу вѣрйте, но ис-

пытайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лже-пророковъ появилось въ мірѣ».

Уже давно русская философская публицистика тяготеетъ къ пророчествованіямъ, къ интуитивному познанію прошлаго и настоящаго, къ попыткамъ вскрыть за внѣшними явленіями метафизическую ихъ природу, метафизическій и религіозный ихъ смыслъ. Въ этомъ ея сила, но въ этомъ же и ея слабость. Тютчевъ и Достоевскій, славянофилы и Вл. Соловьевъ, Розановъ и Леонтьевъ богаты «откровеніями»; они прозрѣвають многое, недоступное самому острому взгляду рационалиста. Несомнѣнно, многое усмотрѣно и тѣми, кто продолжаетъ ихъ традицію; многое усматривается и евразійцами. И нельзя отвергать высказываніе кого бы то ни было на томъ основаніи, что оно рационально недоказуемо. Однако, нельзя и признать его только потому, что высказывающій его называетъ себя пророкомъ и ссылается на особый «опытъ». Мы вѣримъ пророчествамъ и откровеніямъ святыхъ. Но здѣсь вѣра наша покоится на сознаніи святости ихъ, связанности истинности ихъ словъ съ истинностью ихъ жизни. Если же къ намъ явится невѣдомый человѣкъ и заявить, что онъ пророкъ и ясновидецъ, мы ему на слово не повѣримъ. Мы станемъ «испытывать» его и взвѣшивать его откровенія, принимая лишь то, что насъ убѣждаетъ. Если же онъ станетъ требовать вѣры на слово, мы отвернемся отъ него и назовемъ его лжепророкомъ. У святыхъ была убѣдительность словъ: они основывались на несомнѣнномъ для нихъ Божественномъ откровеніи и свидѣтельствовали другимъ несомнѣнность его святостью своей жизни. Этого критерія у всѣхъ высказывающихъ «откровенныя» истины нынѣ нѣтъ. И если они хотятъ убѣдить насъ, они должны обосновать свои утвержденія какъ-то иначе; — не какъ святые, цѣлостностью своего бытія, выражаемаго и въ знаніи, а въ предѣлахъ самого знанія. Есть у нихъ особый опытъ — пусть и намъ, простымъ смертнымъ, сдѣлаютъ его доступнымъ. Убѣждаютъ ихъ самихъ открывающіяся имъ истины — пусть потрудятся: покажутъ и намъ, что это за убѣдительность. Вѣдь они не просто «бредутъ на червленые щиты», а хотятъ увлечь за собою, зовутъ дѣйствовать на указываемыхъ ими путяхъ. Если имъ дороги ихъ откровенія, если въ признаніи этихъ откровеній видятъ они спасеніе, они *обязаны* въ мѣру возможности ихъ обосновать. Иначе они самозванцы, честолюбцы, жаждущіе признанія, и лѣнтяи, на самомъ дѣлѣ занимающіеся не пророчествованіемъ, а литературой. — «Давайте спасать Россію! — На-

плюемъ на Европу, создадимъ Евразію!» — Позвольте. — Какъ, почему? Зачѣмъ надо на Европу плевать? Зачѣмъ отказываться отъ Россіи и строить никому невѣдомую Евразію? — «Предчувствіе имѣемъ»: — Да у насъ - то его нѣтъ. — «Вы — слѣпорожденные. А мы безумцы. Христіанство тоже — «іудеямъ соблазнъ, эллинамъ безуміе». Такъ и наше евразійство».

«Мы, — пишетъ г. Савицкій въ предисловіи къ статьѣ А. В. Карташева, — присоединяемся къ точкѣ зрѣнія, рассматривающей европейскую выучку... въ качествѣ таковой, которая не исключаетъ созданія «и теории познанія, и логики, и этики, и философіи религии, и всѣхъ другихъ философскихъ дисциплинъ», ориентирующихся на идею Церкви». — Прекрасное намѣреніе! Но сколько солдатскихъ комитетовъ присоединялось въ свое время къ «мудрому вождю русской революціи» Родзянко, и чѣмъ это присоединеніе кончилось? Сколько русскихъ интеллигентовъ присоединялось къ точкѣ зрѣнія Временнаго Правительства, и въ чемъ ихъ присоединеніе выразилось? — Нѣтъ, разъ вы дѣйствительно къ выставленному тезису присоединяетесь, такъ потрудитесь, если и не создавать православныя гносеологію, логику, этику и т. д., то хоть вдуматься въ степень обоснованности своихъ «откровеній». Сознайте, что нельзя безответственно говорить громкія слова, безъ чувства величайшей отвѣтственности касаться основныхъ проблемъ. Иначе вы не привлекаете къ нимъ, а отъ нихъ отворачиваете.

3.

Впрочемъ, авторы сборниковъ не выдерживаютъ позиціи безответственныхъ ясновидцевъ. — Они аргументируютъ, и аргументируютъ самымъ «научнымъ» образомъ.

«Можно думать, что руководящіе центры культуры... находятся уже и теперь не только въ Западной Европѣ, какъ было недавно, но и въ Россіи - Евразіи и Сѣв. Америкѣ; что эти двѣ области... становятся рядомъ съ Западной Европой и «смѣняютъ» ее въ смыслѣ принятія на себя части дѣла культурнаго творчества (что, конечно, само по себѣ не утверждаетъ культурно - историческаго «устраненія» ранѣе дѣйствовавшаго міра)»...

Мы согласны съ этою справедливою, хотя и не совсѣмъ новою мыслью (П. Савицкій. Миграція культуры. I, 48), и очень бы хотѣли встрѣтить ея обоснованіе, были бы благодарны и за единичныя ея подтвержденія. Намъ представляется, что до из-

вѣстной, по крайней мѣрѣ, степени, обосновать ее возможно. Для этого надо указать на своеобразіе русской культуры, на то, что уже сдѣлано русскимъ народомъ, и на то, что можетъ быть имъ сдѣлано. Здѣсь найдутъ себѣ мѣсто и русская государственность, и русская литература, и многія черты русскаго національнаго характера. И не станемъ отрицать: многое дано евразіяцами въ ихъ сборникахъ. Такъ *Г. Ф. Флоровскій* высказываетъ въ статьѣ «О патриотизмѣ праведномъ и грѣховномъ» (II, 230 сл.) рядъ очень цѣнныхъ мыслей, помогающихъ усмотрѣть положительное въ самой русской революціи, осмыслить ее какъ фактъ національной исторіи, показательный и вовсе не случайный. Точно также вскрываетъ намъ нѣчто, если и не новое, то недостаточно оцѣненное въ русской стихіи интересная статья (II, 134) *П. П. Сувчинскаго* «Знаменіе былого» (о Лѣсковѣ). Равнымъ образомъ для характеристики существа и будущаго русской культуры новыя и свѣжія точки зрѣнія даетъ талантливый очеркъ (I, 104 сл.) *П. Савицкаго* «Континентъ - Океанъ» (Россія и міровой рынокъ). Однако все это (и многое другое) дано въ качествѣ отдѣльныхъ наблюденій и не для обоснованія процитированнаго нами тезиса.

Авторъ обосновываетъ его очень своеобразно. — Онъ опредѣляетъ послѣдовательно смѣнявшія другъ друга культуры по... ихъ средней годовой температурѣ. Получается выводъ. — «Культурныя средоточія западной части «старога свѣта» располагались: до 1000 г. до Р. Х. въ областяхъ со средними годовыми температурами около $+20^{\circ}$ Ц. и выше, отъ 1000 г. до Р. Х. до эпохи Р. Х. въ областяхъ со средними годовыми температурами около $+15^{\circ}$ Ц. и выше, отъ эпохи Р. Х. до 1000 г. по Р. Х. въ областяхъ со средними годовыми температурами около $+10^{\circ}$ Ц. и выше, отъ 1000 г. по Р. Х. и до настоящаго времени въ областяхъ со средними годовыми температурами около $+5^{\circ}$ Ц. и выше» (I, стр. 43). Допустимъ, что выводъ безупреченъ (у меня остаются нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ неолитической культуры, насчетъ культуры трипольской и др.). Что изъ него слѣдуетъ? — «Если силы, дѣйствовавшія въ послѣднія тысячелѣтія въ культурномъ развитіи западной части старога міра, будутъ и впредь дѣйствовать въ немъ и пригомъ съ прежней интенсивностью, то станетъ законнымъ ожиданіе, что въ третьемъ тысячелѣтіи по Р. Х. . . культурныя средоточія міра передвинутся въ сторону климатическихъ зонъ со средними годовыми около 0° . . .» (ib. 46). Продолжая «законное ожиданіе» за предѣлы, поставленные авторомъ, мы, пожалуй, дойдемъ и до Сѣвернаго Полюса, который, какъ извѣстно,

замѣчателенъ тѣмъ, что, куда отъ него ни пойдешь, вездѣ только югъ. И нечего бояться, что на Сѣверномъ Полуострѣ нѣтъ жителей. Одного — то мы, навѣрно, тамъ найдемъ — Кифу Мокиевича.

Впрочемъ, самъ авторъ, вызвавъ въ читателѣ «законное ожиданіе» близости великой евразійской культуры (подумайте: Москва + 3,9°, Казань + 2,9°, Екатеринбургъ + 0,5°, Иркутскъ — 0,1°!), согласенъ, что «никакая тенденція, сколь опредѣленно ни сказывалась она въ прошломъ, не даетъ оснований для предсказаній о будущемъ, и никакое сопоставленіе не можетъ дать ей этого качества» (ib. 46). Онъ еще радикальнѣе на слѣдующей страницѣ: «Было бы смѣшно претендовать на научную достовѣрность подобной концепціи». (Еще бы!). «И съ точки зрѣнія принципа свободы философскаго убѣжденія, который, по природѣ вещей, долженъ господствовать повсюду, гдѣ дѣлается попытка предвидѣть будущее на основаніи глазомѣрныхъ оцѣнокъ и эмпирическихъ тенденцій, совершенно допустимо, напр., мнѣніе, что, дойдя до нынѣшняго предѣла, руководящіе центры культуры вновь отодвинутся къ Югу». Спасибо «принципу свободы философскаго убѣжденія!» Безъ него не могли бы мы спорить съ авторомъ. Только стоитъ ли стрѣлять по воробьямъ изъ пушки: беспокоить философію и выискивать среднія годовыя температуры въ *Julius Hahn Handbuch der Klimatologie* для такихъ, можетъ быть, и «законныхъ», но совсѣмъ не убѣдительныхъ «ожиданій»?

Согласимся съ конкретными данными автора. Ихъ надо объяснить, какъ нѣкоторый новый и интересный фактъ. Вѣроятно, ихъ и можно объяснить безъ особенныхъ затрудненій, если принять во вниманіе еще и другіе факты, напримѣръ — плотность населенія, характеръ почвы и т. д. Но выдвигать ихъ безъ всякихъ объясненій, значить или ничего не доказывать или пытаться оглушить себя и читателя таинственною силою нуля.

Позволю себѣ извлечь изъ второго сборника еще одинъ, какъ выражаются нѣкоторые математики, «нуль, приличнымъ образомъ подобранный». — Температурнаго разграниченія между культурами, конечно, недостаточно. И *кн. Н. С. Трубецкой* (Религіи Индіи и христіанство) уже по существу отграничиваетъ православно-евразійскую культуру отъ Востока. Выступая противъ увлеченія «мистикой Востока», онъ считаетъ (и совершенно правильно) необходимымъ «съ одной стороны поставить эту мистику въ планъ научно установленной исторической перспективы, а съ другой — подойти къ ея оцѣнкѣ

съ точки зрѣнія подлинно христіанской догматики, раскрытой въ твореніяхъ Святыхъ Отцовъ и Апостоловъ» (стр. 179 сл.). Для этого — и тутъ уже начинается область спорная — надо «усвоить» «ученіе о сатанѣ, какъ о реальной личности, вождѣ цѣлаго сонма бѣсовъ» (180). «Повѣривъ въ то, что онъ существуетъ, что онъ постоянно ищетъ соблазнить людей», «мы поймемъ, какимъ колоссальнымъ опасностямъ подвергается всякій мистикъ, не знающій о его существованіи и ищущій откровенія. Откровеніе можетъ прійти отъ діавола, и отличить его отъ откровенія божественнаго не всегда легко» (180).

Почему «не легко»? — Прочитавъ статью кн. Трубецкого, я вынесъ совершенно обратное впечатлѣніе. — Надо только «усвоить» «ученіе о сатанѣ . . .», и тогда уже совсѣмъ не трудно признать въ восточной мистикѣ все отличное отъ христіанства произведеннымъ или самимъ сатаною или однимъ изъ «сонма бѣсовъ», а все сродное съ христіанствомъ — прибавленнымъ ими же для соблазна. Только мнѣ кажется, что тогда незначѣтъ и разсматривать религію Индіи. Вѣдь, усвоивъ ученіе о сатанѣ, я усвоилъ, предварительно или одновременно, и православное ученіе, а другихъ, еще не усвоившихъ подхода къ восточной мистикѣ «съ точки зрѣнія подлинно христіанской догматики», ссылкой на сатану все равно не проймешь. Примерно такъ, по преданію, разсуждалъ одинъ мусульманскій халифъ. — Надо сжечь всѣ книги, кромѣ Корана: если въ нихъ содержится нѣчто иное, онѣ вредны, если то же самое — бесполезны: Такъ же разсуждаютъ и большевики.

Кн. Трубецкой очень послѣдовательно, болѣе чѣмъ на 40 стр., обличаетъ козни сатаны въ Индіи. Богатый матеріалъ ему даютъ богъ Индра, изображенный въ видѣ неисправимаго алкоголика, вишнуизмъ и шиваизмъ. Но попутно отмѣчается бѣсовское вліяніе и въ брахманизмѣ и въ буддизмѣ. Авторъ забываетъ только указать, что какъ разъ не отмѣчаемое имъ привлекало и привлекаетъ до сихъ поръ къ Ведантѣ, брахманизму, буддизму. Онъ упрощаетъ и злостно вульгаризируетъ индійскую религіозность, забывая, что точно такъ же можно порочить иудейство и христіанство ссылками на не всегда добродѣтельное поведеніе праотцовъ или на искаженіе религіозныхъ идеаловъ. Католикъ Данте, вмѣстѣ со своею эпохой допускаяшій приближеніе къ христіанской истинѣ у Вергилія, былъ во много разъ терпимѣе. И не такое отношеніе къ инымъ религіямъ завѣщали намъ учителя и отцы православной Церкви, допускавшіе спасеніе язычниковъ Платона и Сократа, учившіеся у нихъ, у Плотина, у Прокла. Не такъ относились

къ иновѣрію и безвѣстные русскіе иконописцы, помѣщавшіе на образахъ и св. Еврипидія (Эврипида).

Многое авторъ излагаетъ просто невѣрно, не знаю — насколько по невѣдѣнію, насколько изъ апологетическихъ цѣлей. Одинъ примѣръ. — По мнѣнію кн. Трубецкого, нирвана только «поэтическое имя» для «духовнаго самоубійства». «Буддизмъ поражаетъ именно тѣмъ искусствомъ, съ которымъ онъ умѣетъ придать привлекательный видъ своимъ отталкивающимъ брачнымъ ученіямъ». Будда не велѣлъ спрашивать о томъ, бытіе или небытіе нирвана. Авторъ, примыкая къ буддійскому тексту, поясняетъ: «когда врачъ даетъ тебѣ лѣкарство съ ручательствомъ, что оно поможетъ, не надо спрашивать, составлено ли это лѣкарство изъ растительныхъ или изъ минеральныхъ веществъ. Такимъ образомъ, самоубійство прямо не называется, а вокругъ «нирваны» создается поэтической ореолъ» (стр. 209-210). Какой лукавый человекъ былъ Будда и какъ силенъ сатана: ни одинъ буддистъ этого лукавства и не замѣтилъ!

Какой же смыслъ въ словахъ, приписанныхъ тому же Буддѣ и отождествляющихъ нирвану съ «безсмертіемъ», съ «нерожденнымъ, невозникшимъ, несотвореннымъ, непроисшедшимъ?» Почему ученикъ Будды Сарипутта говорилъ: «Нирвана — блаженство, нирвана — блаженство!» Почему въ уста Будды впадаютъ слова: «Сказать, что Совершенный существуетъ по ту сторону смерти, невѣрно; сказать, что онъ не существуетъ по ту сторону смерти, также невѣрно?» Въ этомъ опредѣленіи абсолютнаго Бытія есть чему поучиться и многимъ христіанамъ. Уклонъ ученія о нирванѣ, указанный кн. Трубецкимъ, существуетъ. Онъ болѣе извѣстенъ въ европейской литературѣ. Но онъ не единственный, и «запрещеніе» Будды имѣетъ совершенно иной смыслъ. Нельзя безнаказанно упрощать и искажать обличаемое. — Тогда рано или поздно никто обличителю не станетъ вѣрить и, во всякомъ случаѣ, съ опаскою отнесется къ другимъ его утвержденіямъ.

Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажу на другую статью того же автора (I, 86 сл.) «Верхи и низы русской культуры» (Этническая основа русской культуры). • Въ ней высказано очень много интересныхъ и талантливыхъ, свѣжихъ мыслей. Опредѣляя отношеніе славянъ къ ихъ западнымъ и восточнымъ сосѣдямъ въ глубокой древности, авторъ, съ помощью данныхъ сравнительнаго языкознанія, приходитъ къ любопытнымъ выводамъ. — Религіозная терминологія славянскихъ языковъ ближе всего къ религіозной терминологіи языковъ иран-

скихъ; напротивъ, съ индоевропейскими языками славянскіе совпадаютъ преимущественно въ области повседневнаго быта и техники. — «Душой» славяне тянули къ индоиранцамъ, «тѣломъ» — къ западнымъ индоевропейцамъ» (стр. 92). Вотъ, говоря словами г. Савицкаго (I, 46), «тема, дающая пищу для фантазій» («пища» отъ европейцевъ, а «фантазія» отъ Востока). Однако, встрѣчаясь съ *религиозными* представленіями, я уже насторожился: не производится ли здѣсь лингвистическое изысканіе «съ точки зрѣнія подлинно-христианской догматики?» Мнѣ кажется, напримѣръ, сомнительнымъ сведеніе православной «вѣры» черезъ глаголь *vaṛauaiti* (= вѣрить, выбирать) къ *выбору* между Ормуздомъ и Ариманомъ (т. е. сатаной). Встрѣчалъ я выведеніе корня вѣрить изъ корня (*var*), общаго съ латинскимъ „*vereor*“ (бояться). Но, не будучи специалистомъ по лингвистикѣ, я предпочту укрыться за признанное авторомъ отсутствіе указаній на связь «праславянскихъ диалектовъ съ ихъ южными сосѣдями» (праоракійскимъ, праиллирійскимъ, стр. 92) и за еще не ясный вопросъ о взаимоотношеніяхъ арійцевъ съ яфетитами.

4.

Итакъ, евразійцы не ограничиваются простымъ «утвержденіемъ». Они пытаются его научно обосновать. Только это обоснованіе производится слишкомъ часто въ порядкѣ «утвержденія» и «предчувствія», безотвѣтственно, а потому оказывается или мнимымъ или неубѣдительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ надо оцѣнить фразы вродѣ слѣдующей: «Умственному перевороту, ознаменовавшему собой начало такъ называемой «новой исторіи романогерманскаго міра, въ значительной мѣрѣ, способствовала дѣятельности двухъ западныхъ славянъ. — чеха Яна Гуса и поляка Николая Коперника»? Лучше ужъ взять „*Allgemeine deutsche Biographie*“ и по количеству фамилій на „ow“ (*Virchow, Bülow*) опредѣлить степень вліянія славянско-культуры на германскую.

При всемъ томъ, я не отрицаю ни талантливости многихъ изъ авторовъ, принявшихъ имя евразійцевъ, ни цѣнности ряда высказанныхъ ими наблюденій и замѣчаній. Если бы евразійцы были бездарны и писали только вздоръ, о нихъ не стоило бы говорить. Какъ разъ талантливость ихъ, чуткость ко многому, правота во многомъ и вынуждаютъ отнести къ нимъ требовательнѣе. — Если они вѣрятъ въ свои идеи и хотятъ, чтобы другіе въ нихъ повѣрили, они должны обуздать порывы

къ вѣщанію, осторожнѣе обращаться съ такимъ тонкимъ орудіемъ, какъ научная аргументація. И это требованіе не только въ области географіи, лингвистики и исторіи религій. Оно должно быть предъявлено и всякому (тутъ уже не только евразійцамъ, а всѣмъ философствующимъ нынѣ на затронутыя евразійцами темы), кто пытается обосновать свои утвержденія философски. Мало того. — Евразійскія темы въ существѣ своемъ только философски - метафизическимъ путемъ и могутъ быть обоснованы. Тѣмъ печальнѣе, что философскаго обоснованія пока у евразійцевъ мы не видимъ. Есть отдѣльныя, брошенныя мимоходомъ философскія мысли и характеристики. Нѣтъ философскаго анализа, философской аргументаціи.

Мы готовы оцѣнить бѣглыя замѣчанія о философскихъ теченіяхъ европейской мысли въ статьѣ Г. В. Флоровскаго («Хитрость разума» — I, 14 сл.), но намъ хотѣлось бы болѣе убѣдительнаго обоснованія мысли о томъ, что въ новѣйшемъ философскомъ развитіи Европы «за видимой пеленою ирраціонализма происходитъ въ точномъ смыслѣ слова всеобщая мобилизація всѣхъ раціоналистическихъ силъ» (стр. 33). Вѣдь не менѣе убѣдителенъ антитезисъ: — за пеленою исконнаго новоевропейскаго раціонализма выдвигается стихія ирраціоналистическая. Если авторъ ссылается на Гуссерля, можно въ противовѣсъ сослаться на Макса Шелера, Николая Гартмана и друг. Если авторъ слышитъ «кости щелканье сухой» въ интуитивизмѣ Бергсона, намъ важно знать, что является основаніемъ бергсоніанства: интуиція ли, выражаемая въ привычныхъ формахъ позитивизма, или позитивизмъ и раціонализмъ въ случайномъ одѣяніи интуиціи.

Тотъ же авторъ (I, 52 сл.) въ статьѣ «О народахъ не - историческихъ (Страна отцовъ и страна дѣтей)» подходит къ проблемѣ обоснованія культурнаго творчества и его познания. «Міръ — «космиченъ» (не хаотиченъ) не для одного разума. «Импровизаціи» имѣютъ свою имманентную необходимость. Творчество, какъ и бытовая переимчивость (авторъ различаетъ творимую культуру и «косный бытъ», какъ «застывшую культуру», что само по себѣ еще нуждается въ уясненіи и обоснованіи), имѣетъ свои традиции. Но эти культурныя связи постигаются не разумъ, не дискурсивный анализъ, а чувство, слушающее вѣка въ мигъ единый. Въ мистической интуиціи схватывается заразъ, «что есть, что было, что грядетъ во вѣки», въ ихъ подпочвенной таинственной связи» (69).

Этимъ, какъ будто, поведеніе евразійцевъ оправдано, и мы смиренно должны признать себя «слѣпорожденными». Оправ-

дано ли? Нѣтъ ли тутъ обычнаго, но незаконномѣрнаго пользования понятіями рационализмъ, иррациональное, разумъ, чувство и т. д. Никто не станетъ оспаривать возможности мистическаго познанія. — Но мистическое познаніе вовсе не чувство. И Плотинъ, и Прокль, и Гегель въ извѣстномъ смыслѣ слова мистики, хотя второй и третій очевидные рационалисты. Признавать и познавать иррациональное, метафизическое не значитъ отказываться отъ разума и логики. Познаемъ и выражаемъ мы иррациональное всегда съ помощью разума (*ratio* разсудка), и оно иначе, какъ рационально, для насъ невыразимо. Даже тамъ, гдѣ мистикъ готовъ отождествиться съ иррациональнымъ, гдѣ онъ «переживаетъ», онъ фиксируетъ свое «переживаніе» въ категоріяхъ рациональнаго мышленія. Нельзя указать мистическую систему, мистическій опытъ, которые бы не поддавались нѣкоторому рациональному фиксированію. Иррациональное не обладаетъ полною рациональною убѣдительностью: оно обосновывается цѣлостнымъ опытомъ, но въ этомъ цѣлостномъ опытѣ есть и рациональный моментъ. Съ другой стороны, разумъ (*ratio*) вынужденъ постулировать иррациональное, какъ необходимое условіе своей дѣятельности. И не трудно показать, какъ изъ анализа разума философія приходила къ иррациональному: къ идеямъ «совпаденія противорѣчій», «всеединства» и т. д. Ни Платонъ, ни Плотинъ, ни Николай Кузанскій никогда не говорили: «это такъ потому, что я такъ чувствую». Ихъ гений, ихъ философское значеніе какъ разъ въ томъ, что они умѣютъ показать необходимость пути отъ рациональнаго къ иррациональному, рационально очертить удостовѣряемое окончательно цѣлостнымъ мистическимъ опытомъ. Это вовсе не рационализмъ. — Рационализмъ есть отричаніе иррациональнаго, ограниченіе міра только рациональнымъ. Убѣдиться въ томъ, что русскій народъ — «богоносецъ», можно лишь мистическимъ опытомъ, но показать, почему и въ чемъ онъ «богоносецъ», несмотря на извѣя, какъ будто, качества, можно и должно путемъ рациональнымъ. Ссылки на «озареніе» и «чувство» ничего никому не докажутъ, хотя и сбѣгаютъ положеніе ссылающагося очень легкимъ, не требующимъ особыхъ усилій мысли и воли.

5.

Споръ и критика — вещи неприятныя, хотя и нужныя. Но необходимо остановиться и на существѣ поставленныхъ евризицами проблемъ.

Къ этому существу не подойти, не выяснивъ съ возможною полнотою понятія культуры. Является ли культура нѣкоторымъ состояніемъ, качествомъ народовъ, безразлично какихъ, или же многообразно - качественною личностью? Мнѣ представляется, что единственно правильнымъ будетъ признаніе культуры конкретно - всеединымъ развивающимся субъектомъ и что именно такое пониманіе культуры лежитъ въ основѣ «утвержденія» евразійцевъ, хотя они и не пытаются его ближайшимъ образомъ опредѣлить. Будучи живою развивающеюся и объемлющею все свое время индивидуальностью, культура не существуетъ абстрактно, чѣмъ и оправданъ протестъ евразійцевъ противъ понятій «общечеловѣческая цивилизація» и «космополитизмъ» (*кн. Н. С. Трубецкой «Объ истинномъ и ложномъ націонализмѣ», I, 72*). Только признавъ ее личностью, можно говорить и о ея самосознаніи и самопознаніи; и съ этой точки зрѣнія къ ней вполне примѣнимо то, что *кн. Трубецкой* говоритъ (*ib. 75*) о «народѣ», подразумѣвая подъ нимъ носителя культуры вообще. — «Если только разсматривать народъ, какъ психологическое цѣлое, какъ извѣстную коллективную личность, — надо признать для него возможной и обязательной нѣкоторую форму самопознанія. Самопознаніе логически связано съ понятіемъ личности; гдѣ есть личность, тамъ можетъ и должно быть самопознаніе... Особенность этой личности заключается въ томъ, что народъ живетъ вѣками и въ теченіе этихъ вѣковъ постоянно измѣняется, такъ что результаты народнаго самопознанія одной эпохи не являются уже дѣйствительными для эпохи послѣдующей, хотя всегда составляютъ извѣстный базисъ, исходный пунктъ всякой новой самопознавательной работы» (*Ср. еще прекрасную статью Г. В. Флоровскаго «О патриотизмѣ праведномъ и грѣховномъ», II, 230 сл.*).

Очевидно, въ понятіи культуры (и народа) передъ нами очень сложное и отвѣтственное метафизическое понятіе, котораго мы здѣсь раскрывать не можемъ, и котораго евразійцы не потрудились раскрыть и обосновать. Изъ понятія культуры въ томъ видѣ, въ какомъ она имъ «предносится», вытекаетъ, что культура связана съ опредѣленною средою, русская культура — съ территоріей русскаго государства, которую нѣтъ нужды называть Евразіей (слово Россія и привычнѣе и для русскаго уха пріятнѣе). И несомнѣнно, чрезвычайно важнымъ является стремленіе *П. Н. Савицкаго* выяснить характерныя черты русскаго ландшафта, его экономической и бытовья возможности («Континентъ-Океанъ» I, 102 сл. и, въ меньшей степени, —

«Степь и осёдлость», II, 341). Равнымъ образомъ всякая культура естественно связана и съ нѣкоторымъ характернымъ для нея этнологическимъ типомъ, выясненію котораго содѣйствуетъ уже цитированная нами статья кн. *Трубецкого* «Верхи и низы русской культуры» (I, 86 сл.). Однако здѣсь необходима болѣе ясная, не осуществляемая безъ анализа понятія самой культуры.

Если культура, подобно всякой эмпирической личности, рождается, живетъ и умираетъ (а такъ именно думаютъ представляющіе гибель Запада и расцвѣтъ Россіи евразійцы), эмпирически уловимы и само возникновеніе ея — «рожденіе» ея личности, образованіе ея этнической основы и географическаго обстоянія — и ея умираніе. Съ другой стороны, факты вынуждаютъ насъ признать культуру личностью, высшею, чѣмъ народъ (иначе, нельзя говорить о «европейской» культурѣ). А если такъ, то и русская культура можетъ быть выражена не въ одной, а во многихъ низшихъ индивидуальностяхъ. — Субъектъ русской культуры въ эпоху Кіевской Руси существенно отличенъ отъ субъекта ея въ Руси сѣверовосточной и московской. Весьма вѣроятно, что нарождается новый этнический типъ въ концѣ XVI — началѣ XVII вѣка, въ эпоху Смуты. Возможно, что на нашихъ глазахъ ему на смѣну приходитъ субъектъ будущаго періода русской культуры. Но, во-первыхъ, нѣтъ отвлеченнаго субъекта русской культуры: она не существуетъ внѣ своихъ индивидуализаций; во-вторыхъ, рожденіе новаго носителя русской культуры вовсе не означаетъ замѣны ея евразійской. Евразійцы смутно улавливаютъ нарождающійся новый русскій типъ, но, полагаясь на «откровеніе» и не заботясь объ уясненіи своего ирраціональнаго опыта, путаются въ противорѣчійхъ и обезцѣниваютъ свои же собственныя наблюденія.

Несравнимо сложнѣе и нуждаются въ обстоятельномъ анализѣ вопросы объ умираніи и взаимодействіи культуръ. Но безъ разрѣшенія ихъ, очевидно, не имѣютъ никакого смысла діагнозы и прогнозы. Здѣсь мнѣ приходится ограничить себя догматическимъ высказываніемъ ряда тезисовъ, оставляя развитіе и обоснованіе ихъ до болѣе удобнаго случая. Впрочемъ, для размышлявшихъ надъ основными проблемами исторической и соціальной жизни, тезисы мои не должны казаться неожиданными и необоснованными. Для неразмывшихъ же или размыслившихъ мало станеть, по крайней мѣрѣ, яснымъ, въ сфере какихъ проблемъ неизбѣжно должно привести пониманіе культуръ, народовъ, сословій и классовъ, какъ личностей.

Если культура не качество какой-то индивидуальности, а сама многообразно-качественная индивидуальность, необходимъ извѣстный «монизмъ» въ отношеніи ко всѣмъ разнообразнымъ качественіямъ одной культуры. Нельзя мыслить культуру въ отрывѣ отъ ея внѣшней среды, отъ ея географическаго ландшафта, который можетъ быть очень разнообразнымъ, отъ образуемаго ею этническаго типа ея носителей. Но тогда нельзя разрывать духовную культуру и культуру экономическую. Не понявъ этого, мы, естественно, будемъ колебаться между совершенно непримиримыми другъ съ другомъ утверженіями. — Съ одной стороны, мы станемъ выяснять присущія только русской культурѣ географическія и этническія особенности, связывая съ ними и черты ея духовнаго облика. Съ другой, мы будемъ выставлять утверженія, вродѣ слѣдующаго. — «Какъ разъ въ области экономической существованіе Россіи окажется, быть можетъ, наиболѣе «западническимъ». Мы не видимъ въ этомъ никакого противорѣчія возможности и факту настоящей и грядущей своеобразности Россіи. Вѣдь для тѣхъ, кто не принадлежитъ къ числу послѣдователей историческаго матеріализма, культура не есть «надстройка» надъ экономической базой» (1 стр. V). — Совсѣмъ не надо быть историческимъ матеріалистомъ, чтобы сознавать необходимую связь всѣхъ сторонъ культуры. Теперь въ модѣ турканье социализма и историческаго матеріализма. Однако, самый плохой способъ борьбы съ противникомъ заключается въ склонности абсолютно его отрицать, не желая видѣть, что къ самимъ ошибкамъ привелъ его правильный въ основѣ мотивъ. Я не историческій матеріалистъ и не социалистъ. Но я не могу не отмѣтить одного преимущества историческаго матеріализма передъ обычными «синтетическими» попытками историковъ и социологовъ, признающихъ, что историческій матеріализмъ правъ въ указаніи одного изъ «факторовъ» развитія, а неправъ въ преувеличеніи его значенія. Надо де признать множественность «факторовъ» и каждому отвести свое мѣсто. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, какое именно, и «синтезъ» превращается въ перечисленіе «факторовъ» и весьма сомнительное установленіе между ними причинной связи. Историческій матеріализмъ правильно чувствуетъ, что безъ матеріи духа нѣтъ; — онъ ошибается, когда сводитъ духъ на матерію и ограничиваетъ свою первичную интуицію. Историческій матеріализмъ правъ, когда утверждаетъ единство культуры и отрицаетъ механистическое ея пониманіе; — онъ заблуждается, считая, что матерія можетъ быть принципомъ единства. Исто-

рической материализмъ правъ, полагая, что по матеріальной сторонѣ жизни можно судить о жизни въ цѣломъ, о ней самой; — онъ неправъ, когда сводитъ всю жизнь къ матеріи и пред-полагаетъ, будто «матеріальная» сторона жизни не духовна въ своемъ существѣ. Отъ него нельзя отбрыкнуться: его надо преодолѣть высшимъ понятіемъ — идеею всеединой культуры.

Уже въ намѣченномъ нами выше взаимоотношеніи между культурою и ея смѣняющимися другъ друга и даже сосуществующими носителями, выясняется, что въ низшей индивидуальности нѣкоторымъ образомъ присутствуетъ и находится высшая. Такъ европейская культура находится, какъ нѣчто цѣлое, хотя и не цѣлостно раскрытая, въ нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ народѣ; русская культура — и въ народѣ кievскомъ, и въ народахъ «московскомъ», «петербургскомъ», нарождающемся нынѣ. Но культура не абстрактная личность: ея нѣтъ внѣ ея индивидуализаціи въ народахъ. Вѣра въ абстрактное бытіе европейской или русской культуры — плохая метафизика. Поэтому и присутствіе высшей индивидуальности въ низшей не иное что, какъ присутствіе во второй стяженнаго, иногда не дифференцируемаго сознаниемъ единства всѣхъ прочихъ индивидуализацій высшей личности. И только на основѣ этой теоріи объяснимо взаимодействіе народовъ и культуры.

Возьмемъ фактъ европеизаціи Россіи. Каковъ его смыслъ? — Онъ означаетъ, что русскій народъ вовсе не только русскій, противостоящій европейскимъ народамъ и европейской культурѣ, но еще и нѣкоторая высшая личность, объемлющая и содержащая, какъ русскую, такъ и европейскую культуру. Европеизація Россіи не качественіе русскаго народа въ узкомъ (и законномъ) пониманіи этого термина. Она — качественіе Европы въ Россіи, какъ высшей личности, объемлющей и Европу и Россію въ узкомъ смыслѣ этого слова. И каждый изъ насъ не только русскій, а и европеецъ, ибо каждый изъ насъ не только индивидуализація Россіи, но еще и индивидуализація высшей, объемлющей Россію и Европу личности. Слѣдовательно, Европа живетъ не только въ себѣ, а и въ Россіи, и въ каждомъ изъ насъ, какъ, съ другой стороны, и обратно: Россія живетъ не только въ себѣ, а и въ Европѣ, и въ Азіи. И, можетъ быть, само появленіе термина «Евразія» обусловлено попыткою какъ-нибудь выразить эту смутную интуицію *).

*) Въ поясненіе сказаннаго въ текстѣ замѣтимъ, что въ «слепоепизмѣ» русскаго народа слѣдуетъ различать качественіе самой европейской культуры и индивидуализацію его собственно

Понятно, что проблема жизни и смерти культуры должна ставиться въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ обычно. — Всякая культура живетъ не только въ себѣ, эмпирически, т. е. пространственно и временно, ограниченной. Въ Европѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ донинѣ живутъ культуры: античная, египетская, неолитическая, т. е. высшая личность, качествоя преимущественно европейской культурой, качествомъ еще и ими. Онѣ не совсѣмъ умерли. Онѣ продолжаютъ въ ослабленномъ и стѣсненномъ видѣ свою жизнь, «переживаютъ» себя. Мы говоримъ о смерти культуры, когда исчезаетъ эмпирически опредѣленный ея носитель — когда нѣтъ народовъ, цѣлостно качествомъ ею. Но это вовсе не полная ея смерть, которая наступаетъ лишь при полномъ о ней забвеніи, лишь при полномъ исчезновеніи изъ эмпирии всѣхъ ея качествомъ. И даже такое исчезновеніе часто бываетъ только временнымъ: существуютъ періоды замиранія и оживленія всякой культуры.

Погибаетъ ли Западъ? И въ какомъ смыслѣ онъ погибаетъ? Можетъ быть, исчезаетъ опредѣленный носитель его—всеединство европейскихъ народовъ? У насъ есть признаки переживаемого имъ тяжелаго кризиса, но смертельна ли сама болѣзнь — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, нельзя забывать, что до извѣстной степени носителемъ европейской культуры являемся и мы, русскіе, и это не препятствуетъ намъ развивать свою. Напротивъ, едва ли наша русская культура выиграетъ отъ гибели западной въ ней самой и въ насъ, т. е. отъ частичнаго умиранія насъ самихъ. Или, можетъ быть, исчерпаны всѣ качествомъ европейской культуры, все ея содержаніе, и ей предстоитъ лишь призрачная жизнь въ лонѣ другихъ культуръ? Кто сможетъ поручиться въ этомъ? — Мы не видимъ новыхъ возможностей для Европы, но отсюда не слѣдуетъ, что ихъ нѣтъ. Невидимость ихъ мы и называемъ кризисомъ, болѣзью. Но часто изъ кризиса больной выходитъ обновленнымъ. Не лишено вѣроятія, что въ Европѣ, какъ и въ Россіи, рождаются новые носители культуры. Развѣ исчерпаны силы нѣмецкаго народа? Развѣ такія явленія, какъ фашизмъ, не могутъ быть симптомами чего-то нарождающагося? Первые недѣли беременности незамѣтны для самаго острога взгляда, а «историческая недѣля» измѣряется десятилѣтіями.

Но даже если европейская культура въ качествѣ эмпирической личности погибаетъ, это не значить, что она умираетъ

русскою стихіей. Русскій европеизмъ есть совмѣстное качествованіе Европы и Россіи. Онъ «русскій» потому, что русскій народъ въ отрывѣ отъ «европейскаго» не болѣе, какъ абстракція.

цѣликомъ. Вѣдь даже евразійцы не рѣшатся отвергнуть европейскую науку, европейскую технику, все то, что теперь принято называть европейскою цивилизаціей. Мечтая о будущей русской культурѣ, они въ ней мыслятъ и европейское качествованіе. А это и значить, что европейская культура будетъ продолжать свое развитіе и въ насъ, въ рускиихъ.

Мы ждемъ русской культуры и вѣрнемъ въ нее, улавливая симптомъ ея роста и расцвѣта. Мы хотимъ, чтобы она недоконченное восполнила своимъ особымъ качествомъ. Но мы не только рускіе, а и европейцы. Истреблять въ себѣ европейское, проповѣдуя людоѣдство, значить истреблять самого себя, т. е. проповѣдывать самоѣдство. И для насъ великое несчастье, если Европа, какъ самостоятельная личность, умретъ, оставивъ лишь прекрасныя могилы. Тогда на наши плечи ляжетъ двойное бремя. — Намъ придется развивать свое русское и развивать еще и европейское, оставленное намъ въ наслѣдство. Плохо было, когда мы теряли свое лицо, себя самихъ, растворяясь въ европейскомъ: мы себя не сохранили и европейцами не сдѣлались, превративъ европеизмъ въ большевицкій коммунизмъ. Но хуже будетъ, если изъ чувства ложно понятаго самоохраненія мы отвернемся отъ Европы. Тогда намъ тоже себя не сохранить, ибо начнемъ мы съ самооскопленія. Всякая личность опредѣляетъ и раскрываетъ себя лишь въ живомъ взаимообщеніи съ другими личностями. Въ пустотѣ, въ себѣ самой опредѣлить и раскрыть себя она не можетъ, ибо уходить въ себя есть отрывъ отъ своего всеединства, самоограниченіе, обрекающее на смерть.

Надо быть вѣрнымъ своему русскому прошлому и не на словахъ только признавать труды лучшихъ нашихъ мыслителей «канонамъ книгъ русскиихъ учительскихъ» (*Савицкій* «Два міра», II, 10). Вспоминая прошлое, *Г. В. Флоровскій* пишетъ: «русская душа . . . знала, что только такая жизнь была бы вѣрнымъ осуществленіемъ завѣта Богочеловѣчества, претвореніемъ въ дѣло пророческаго моленія Вѣчнаго Первосвященника: «Да вси едино будутъ» (I, 66). Надо полагать, что Христосъ подъ «всѣми» разумѣлъ не только евразійцевъ и что осуществленіе Его завѣта нѣсколько шире рамокъ евразійской теоріи

Л. Карсавинъ